

Из сорока городов и сел всех пятнадцати союзных республик съехались в Москву педагоги, ученые, искусствоведы, литераторы, режиссеры — люди самых разных профессий, объединенные сегодня одной общей заботой — об эстетическом воспитании граждан от семи до семнадцати лет. Такая встреча устраивается не впервые, но никогда еще вкворм не был столь представительным: среди участников совещания писатели Сергей Михалков, Агния Барто, Анатолий Алексин, композиторы Дмитрий Кабалевский и Александр Пахмутова, кинорежиссеры Сергей Герасимов и Григорий Рошаль, художник Борис Неменский, артисты Борис Чирков и Дмитрий Журавлев, руководители театров для детей Константин Шах-Азизов, Павел Хомский, Юрий Киселев, Ираклий Гоциридзе... И никогда еще проблемы эстетического воспитания школьников не стояли так остро, как сегодня, после того как было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы». Мы обратились к народному артисту СССР, заместителю председателя Всероссийского театрального общества Борису Петровичу Чиркову с просьбой поделиться своими мыслями о проблемах эстетического воспитания школьников и о том, какую роль может и должен сыграть здесь «большой совет» на Ленинских горах,

жестя главной нашей проблемой — искусство живет на правах Золушки. Исключение делается лишь для литературы.

Как актеру, мне особенно обидно, что театр и кинематограф, самые массовые и самые, я бы сказал, сильнодействующие виды искусства, нашими уважаемыми составителями школьных программ забыты вовсе. Будто бы не было и нет «кафедры, с которой много добра можно сказать миру», будто рядом и вровень с именами великих русских писателей не стояли имена Щепкина, Мочалова, Садовских, Станиславского...

Изучать, или, как принято говорить в школе, «проходить» Островского в отрыве от искусства Малого театра, воспитывать в учениках любовь к Чехову и Горькому, не говоря о МХАТе, — это явление, которое трудно чем-либо оправдать или хотя бы объяснить... А в итоге происходят печальные истории вроде той, когда Михаилу Михайловичу Яншину пришлось превратить спектакль и обратиться к зрителям — школьникам, сидящим в зале, с просьбой вести себя прилично. Вопиющая случайность? Думаю, что скорее закономерный результат того, что уважение к театру школой не воспитывается. Уважение, идущее не от окрика: не сорить!, не шуметь! отдай рогатку! — а уважение, воспитанное пониманием искусства. Пониманием, которому надо учить с самого раннего детства: перед самым первым простеньким кукольным спектаклем подготовить ребенка к тому, что он увидит массу неожиданностей, жизнь, одновременно и похожую и не похожую на реальность.

Хотим мы этого или не хотим, но в наше время искусство не ожидает особого приглашения — оно входит в жизнь наших детей с радио, телевидением. С возрастом расширяются и понятия ребят об искусстве: наивная вера дошкольников сменяется у подростков оценивающим взглядом. Вырабатывается вкус... или безвкусица — это уже зависит от нас.

Вспомните, как вы учили своего ребенка ходить: держа за обе ручки, потом за одну, потом совсем «отпустив», но оставаясь в состоянии напряженнейшего внимания, готовые в любую секунду успеть

таклях «взрослых» театров — явление обычное.

То же самое и с кинофильмами (ребята ходят в кино не меньше, а больше взрослых), симфоническими концертами, художественными выставками. Ребят, мне кажется, необходимо как-то ориентировать в бурном потоке сегодняшнего искусства. Делать это в первую очередь педагогам. И, может быть, в связи с этим стоит на общественные просмотры и вернисажи приглашать не только коллег по искусству, но и учителей. Пусть первыми новым спектакль, новый фильм, новую экспозицию увидят те, кому воспитывать эстетический вкус будущего поколения: воспитывать сегодня, ибо, если отложить это дело на завтра, то вполне вероятно, что придется уже перевоспитывать. А это, как известно, сделать гораздо труднее.

Воспитание воспитателей — это не только воспитание учителей, но и родителей. Интересуются искусством, знают его, даже несмотря на крайнюю скудность эстетического воспитания в школах, те дети, в чьих семьях общение с прекрасным является постоянной и радостной потребностью.

Ибо в воспитании маленького человека большую роль играют семейные традиции. От семьи зависит, что в дальнейшей своей жизни будет человек считать праздником: бурные застолья или затанованное дыхание зрительного зала, стук костяшек домино или шелест книжных страниц.

Талант частично передается по наследству. Любовь к искусству — тоже. Мне кажется, каждый эстетически богатый человек наверняка помнит день первой своей встречи с искусством и человека, благодаря которому эта встреча состоялась. В мир искусства, как и в горы, нельзя отправляться без проводника, отлично знающего маршрут и умеющего научить главному: распределению сил при восхождении. Чтобы не пресытить ребят искусством, не притупить от частого употребления эмоциональное восприятие, не надорвать психику ребенка эмоциональными перегрузками.

Искусство — сильнодействующее средство, не имеющее себе ни адекватных, ни

ПОЗНАТЬ ПРЕКРАСНОЕ

Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР

Работа каждого совещания может пойти по двум руслам: можно приятно поговорить и разойтись, а можно в спорах, дискуссиях прийти или попытаться прийти к истине.

Я надеюсь, что наш «большой совет» будет именно рабочим, и поэтому осмелюсь высказать здесь мысли, которые, разумеется, не бесспорны.

То, что без общения с искусством не может быть радостной и полноценной жизни, то, что, познавая ценности искусства, человек познает, как писал В. А. Сухомлинский, человеческое в человеке, а следовательно, то, что в детях надо воспитывать любовь к искусству, понимание искусства, — это аксиома, истина, не требующая доказательств.

Но сегодня в школах — и это мне ка-

прийти на помощь. Так же надо и учить идти в мир искусства: сначала держа за руку, потом находясь в «состоянии боевой готовности». В этом деле, мне кажется, нельзя надеяться на самотек или интуицию: вкус, то есть умение отличать подлинное в искусстве, надо воспитывать, «открывая» ребятам лучшее, что создано веками и народами.

А ведь крайне скудные часы, которые отмерены школам для занятий живописью и музыкой, используются даже в 5—7-х классах, когда человек эмоционально уже вполне готов к восприятию всей сложности любого из искусств, на то, чтобы петь и рисовать, а не учиться понимать изобразительное и музыкальное искусство.

Я думаю, первоочередная наша задача — добиться введения в школьные программы «искусствоведения» — предмета, призванного воспитать у ребят эстетический вкус, любовь и понимание музыки, архитектуры, живописи, театра, кинематографа. Но для того чтобы искусство стало необходимо каждому ребенку, чтобы язык его стал каждому понятен и каждым любим, нужны годы бережного и кропотливого эмоционального и эстетического воспитания.

Воспитания детей. И воспитания воспитателей.

Дело не только в том, чтобы создать факультеты для подготовки педагогов искусствоведения, а в том, чтобы каждый педагог в школе мог посоветовать ребятам, что посмотреть в кино или театре, на какую выставку или концерт пойти. А потом поспорить об увиденном, заразить желанием увидеть снова.

Эстетические знания, эстетический вкус педагога должны стать таким же само собой разумеющимся явлением, как белый халат и вымытые руки врача...

Слово «акселерация» определяет наш век так же, как слово «спутник». Уже стихи обвинения в адрес театров юного зрителя, «овзросляющих» репертуар: все или почти все поняли, что театр повзрослел потому, что повзрослел зритель. И старшеклассник на самых разных спек-

равноценных. Стало быть, и пользоваться им надо очень бережно и умело, как солнечными лучами, которые дают жизнь, а при злоупотреблении — губят ее.

Мне доводилось видеть, как в дни школьных каникул на космических скоростях проносятся детские экскурсии по Третьяковке. Что это дает? Видимо, «галочку»: были, посетили. Проходили рядом с искусством, проходили мимо искусства. Общения не было. Эстетического воспитания не состоялось. Это единственный пример, но каждый, наверное, может вспомнить немало подобных...

Учить понимать искусство — дело чрезвычайно сложное и чрезвычайно важное. Здесь, мне кажется, не может быть ни готовых формул, ни готовых формулировок, ибо искусство предполагает всегда наличие двух индивидуальностей: творца и зрителя. Дважды два будет равно четырем и для грустного человека, и для веселого, и для темпераментного, и для флегматичного, а искусство — это мир, который имеет окраску тех глаз, которые на него смотрят. Мы должны подсказать точку зрения, приучить различать оттенки...

Это нужно не только для того, чтобы жизнь наших детей была полноценной, но и для того, чтобы она была радостной для окружающих, ибо искусство — вернейшее средство нравственного воспитания... А школа, мне кажется, призвана не только и не столько дать детям «прожиточный минимум» знаний, а воспитать их порядочными людьми. Гармонически развитыми личностями.

А для этого, я хочу еще раз подчеркнуть свою мысль, необходимо признать искусствоведение «де-юре» и «де-факто», чтобы аттестат зрелости был документом и об эмоциональной и эстетической зрелости человека.

А пока... В театральное училище при Малом театре пришло письмо: «Дорогой Михаил Семенович Щепкин, примите меня в свою школу...» Его автор учится в десятом классе.

Записала С. ОВЧИННИКОВА.